

Милана Седина
Юнона Стангард

Мой
БИАТЛОНИСТ

— Пятый патрон —

Юнона Стангард

Мой биатлонист. Пятый патрон

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой биатлонист. Пятый патрон / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Мне приказали добавить в питье капитана сборной опасный стимулятор. Я отказалась — и тренер занес надо мной кулак. Но в оружейную ворвался Савелий Воронов. Биатлонист, таежный снайпер и мужчина, который не привык отдавать своих на растерзание. Я — Дарья Романова, спортивный биохимик. Моя работа — беречь его сердце. Только как уберечь собственное, когда он согревает мои замерзшие руки и говорит, что верит лишь мне? Пока между нами плавится лед, спортивные чиновники готовят подставу: допинг в моей аптечке, позор и отстранение Савелия от гонки. На морозной трассе ему предстоит бороться за честную победу. А мне — доказать правду, прежде чем у нас отнимут и будущее, и друг друга.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой биатлонист. Пятый патрон

Мой биатлонист. Пятый патрон
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Цокольный этаж биатлонного комплекса «Жемчужина Сибири» всегда пах одинаково: едкой пороховой гарью, веретенным маслом, мерзлым железом и застарелым потом десятков лыжных смен. Но к девяти вечера, когда за крошечными окнами под потолком мороз рухнул до минус двадцати одного градуса, подвальный холод начал вгрызаться прямо в бетонные стены.

Я стояла у длинного стального верстака оружейной мастерской в белом лабораторном халате поверх мериносовой водолазки. Пальцы в нитриловых перчатках мерзли даже здесь. Я методично запаивала капилляры с магниево-калиевым аспаргинатом и калибровала индивидуальные флаконы с изотонической солевой матрицей на утренний старт.

Тяжелая дубовая дверь, обитая полосовым железом, со стоном распахнулась от удара ноги. В мастерскую ворвался ледяной сквозняк, пахнувший дешевым табаком, перегаром и влажной овчиной.

На пороге стоял Геннадий Губин.

Старший тренер сборной тяжело дышал, заслоняя коренастой фигурой проем. Лицо с багровыми прожилками лоснилось от пота. Он вломился прямо в грязных унтах, волоча комья снега, и с лязгом задвинул за собой массивный дверной засов.

— Романова, ты еще ковыряешься? — прохрипел он, подходя вплотную. От него разило коньяком и застарелой злобой начальства. — Бросай свою копеечную соль. Вот три ампулы. «Олимп-Био». Новая разработка центра. Растворишь в вечерней питьевой бутылке Воронова. До последней капли. Савелий завтра должен звенеть на дистанции. Баранов лично следит за протоколом. Если этот таежный медведь сольет контрольную гонку мальчишкам, нас обоих с дерьмом смешают.

Он с грохотом швырнул на полированный верстак потертую картонную коробку без маркировки. Внутри лежали три ампулы темного стекла с густой маслянистой жидкостью. Я знала эту формулу по закрытым токсикологическим отчетам.

— Нет, — сказала я тихо и предельно внятно.

Губин замер:

— Что ты вякнула?

— Этот синтетический пептидный стимулятор не прошел клинических испытаний, — я посмотрела ему прямо в зрачки. — Он блокирует рецепторы утомления в гипоталамусе и перегружает миокард. При пульсе за сто восемьдесят на двадцатиградусном морозе он вызывает спазм коронарных сосудов и микроинфаркты сосочковых мышц. Савелий сожжет сердце на втором круге. Я не стану вводить ему кардиотоксичный яд.

Лицо тренера налилось свекольной кровью.

— Ты кем себя возомнила, соплячка?! Твое дело — пробирки мыть! Мне плевать на твои сосочковые мышцы! Либо ты сейчас же вливаешь это в термос Воронова, либо я оформляю служебку о саботаже. Вылетишь отсюда с волчьим билетом!

Он протянул заскорузлую лапу, пытаясь сгрести меня за плечо.

Внутри меня включился холодный лабораторный расчет. Одним коротким движением я перехватила крайнюю ампулу со стола, сдернула крышку вытяжного бокса деактивации и с размаху разбила шейку ампулы о гранитный край емкости с концентрированной щелочью.

Стекло хрустнуло. Янтарная жижа брызнула в раствор, мгновенно взметнув шипящую, едкую бурую пену разлагающегося пептида.

— Ты... сука! Знаешь, сколько стоит эта доза?! — взвыл Губин.

Его пальцы впились в лацканы моего халата, сминая шерсть водолазки. Он с силой впечатал меня спиной в край стального верстака. Железо больно резануло поясницу, выбив воздух из легких. Губин занес тяжелый кулак над моим лицом.

И в эту секунду мой взгляд скользнул по опрокинутой коробке. На внутреннем клапане дна чернел фиолетовый штамп, который он забыл срезать: «Партия ОБ-74-Сибирь. Спецзаказ координационного совета. Экспериментально». Закрытая подпольная синтетика Баранова. Улика зафиксирована.

Кулак дернулся для удара. Я сжалась, не закрывая глаз.

Грохот сотряс подвал.

Дубовая дверь вместе с вырванным с мясом засовом влетела внутрь, рухнув на цемент. В клубах морозного пара выросла огромная фигура Савелия Воронова. Он был в одном расстегнутом на груди гоночном комбинезоне, без шапки. От его плеч валил горячий белый пар, а серо-стальные глаза полыхали сокрушительной таежной яростью.

Савелий не издал ни звука. Одним слитным, пугающе бесшумным движением он преодолел разделявшие нас метры. Его железная ладонь сомкнулась на занесенном запястье Губина у самых слесарных тисков.

Раздался сухой треск связок.

Губин взвыл, оседая на колени. Савелий с механической мощью пресса довернул руку тренера назад, вжимая его носом в сталь верстака.

— Сава... ты сдурел?! Я твой тренер! — захлебывался Губин.

Воронов наклонился к его уху. Его голос был низким, вибрирующим опасной силой:

— Я предупреждал тебя в ноябре, Геннадий. Еще раз прикоснешься к Дарье Сергеевне — найдут в тайге под снегом. Ты понял меня?

— Без фармы тебя пацаны разорвут! — просипел Губин. — Ты сдохнешь на морозе!

Савелий рывком вздернул стокилограммового тренера за шкуру на ноги, развернул к выходу и впечатал в косяк. Губин кубарем вылетел в коридор, сбив оцинкованное ведро. В полумраке застыли двое парней из сервисной бригады, ошеломленно глядя на капитана.

— Передайте Баранову, — на весь цоколь бросил Савелий. — Капитан стреляет своими глазами и бежит на своих легких. Химии Губина здесь не будет. Мы работаем по протоколу доктора Романовой. Вон отсюда.

Он захлопнул перекошенную дверь, подпер ее чугуновой гирей и повернулся ко мне.

Тишина стала оглушительной. Савелий стоял передо мной — огромный, тяжело дышащий, источающий жар колоссального тела. От него пахло морозным ветром, сосновой хвоей и чистым звериным мужеством.

Я попыталась вернуть невозмутимость, но колени предательски ослабли. Пальцы мелко задрожали. Чтобы скрыть дрожь, я потянулась к его винтовке Anschütz 1827 Fortner с уникальной ложей из темно-вишневой карельской березы, лежавшей на войлочных ложементах верстака.

— Надо... проверить затвор перед ночью, — пробормотала я. Пальцы соскользнули с ремня.

Савелий шагнул вперед. Его твердые, надежные, согретые живым жаром ладони накрыли мои ледяные пальцы целиком, прижимая к теплему полированному дереву приклада. Контакт был настолько плотным, что перехватило дыхание. Тепло его кожи прожгло нитрил перчаток, разливаясь по телу тягучей волной.

Он наклонился так близко, что его дыхание коснулось моего виска:

— Не дрожи, Даша. Я знаю твои статьи по лактатному клиренсу наизусть. До единой строчки. Ты знаешь обо мне больше, чем я сам. Завтра мы докажем им силу твоего расчета. Я верю только тебе.

В его прозрачном взгляде горела несокрушимая мужская решимость.

— Нам нужно в медицинский модуль, Савелий, — тихо сказала я. — Взять контрольную кровь до сна и проверить калибровку приборов.

Мы вышли в коридор, но электронный замок лабораторного отсека встретил нас мертвым писком и мигающим красным диодом: Губин заблокировал наши карты. Савелий не стал спорить: ударом тяжелого ботинка снес ригель пожарного люка. Дверь распахнулась.

Внутри лаборатории стояла могильная тьма. Губин обесточил все крыло.

Я включила налобный фонарик. Анализатор лактата Biosen и спектрофотометр мигали аварийными оранжевыми индикаторами — батареи показывали 12%.

— Холодильный бокс нагревается, — выдохнула я. — Савелий, через сорок минут контрольные сыворотки выйдут из допустимого температурного режима. Без калибровки утренний старт превратится в стрельбу вслепую. Нам нужно двести двадцать вольт. Срочно.

Савелий помрачнел:

— Есть место. Дальний ангар вакс-службы на отшибе. Там дежурит дядя Миша, у него стоял бензиновый генератор «Ямаха». Идем по сугробам через овраг, пока Губин не выставил охрану на плацу.

* * *

Ветер встретил нас за порогом ударом ледяного бича. Шквал со скоростью пятнадцать метров в секунду швырял колючую снежную крупу прямо в лицо. Термометр на судейской вышке показывал минус двадцать один.

— Держись за мой пояс, след в след! — крикнул Савелий.

Он натянул капюшон штормовки и пошел первым, пробивая мощным телом глубокую траншею в сугробах. Я шла следом, пряча лицо в воротник и видя перед собой только его широкую спину, укрывавшую меня от урагана.

У деревянного забора хозяйственного двора луч фонаря выхватил дежурного Митрича в тулупе с овчаркой на поводке. Пес рыкнул, но узнал Савелия, заскулил и замахал хвостом.

— Савелий Ильич? — опешил охранник. — Губин звонил, велел к ангарам никого не пускать...

— Митрич, зайди в будку, чай остынет, — не сбавляя шага, бросил Савелий. Старик крякнул и притворил дверь сторожки, предупредив в спину: «Утром опечатают все... Береги себя».

Ангар вакс-службы встретил нас запахом жженого фтора, парафина, стружки и керосина. Под балочным потолком мерцала лампа «летучая мышь». Навстречу вышел невысокий, жилистый старик в войлочной безрукавке и круглых очках — дядя Миша, Михаил Тимофеевич Воронов, легендарный оружейный мастер сборной.

— Генератор жив? — спросил Савелий. — Генка свет в медблоке вырубил.

— Жив, — старик сдвинул очки. — Только механики Губина свечу выкрутили. Запасная штатная есть, а резьбу в креплении защитного кожуха сорвали. Пока не закрепим, тащить его нельзя.

— Нужна плашка, восстановить резьбу на крепежном болте, — я подошла к верстаку, стягивая мокрые варежки.

— Пробовал! — махнул рукой старик. — Сталь каленая, плашка визжит, металл рвет, стружка клинит.

— Дайте плашку мне.

Из кармана халата я достала флакон с чистым олеиновым эфиром. На верстаке стоял берестяной туесок дяди Миши с топленным медвежьим жиром. Я соединила жир с эфиром прямо на лезвии ножа и густо обмазала резьбу болта. Медвежий жир обладал колоссальной адгезией, а эфир снизил поверхностное натяжение, создав смазку сверхвысокого давления.

— Крутите, Михаил Тимофеевич!

Стальной резец плашки пошел по закаленному металлу мягко, выдавая бархатную спираль стружки.

— Вот те на... — выдохнул старик. — Чисто по маслу!

Я сделала мысленную засечку: эта липидная основа медвежьего жира с эфиром лиственницы станет идеальной согревающей базой для мышц Савелия перед гонкой.

— Кожух закреплен. Что с топливом? — спросил Савелий.

Дядя Миша пнул двадцатилитровую канистру:

— Эту солярку из кладовой притащили. Чтоб я мотор угробил, сволочи.

— В бензиновый генератор ее нельзя, — сказала я. — Где штатная канистра?

Савелий нашел ее за стеллажом, куда кто-то затолкал и запас топлива, и свечной ключ.

— Спрятали, не унесли. Торопились.

Дядя Миша установил штатную свечу и заправил генератор. Савелий перехватил ручной стартер. Мощный рывок — и японский мотор радостно взревел, заработав ровным сытым басом без копоты.

Но сани с генератором намертво заклинило на ледяном торосе. Ветер швырял снег целыми пластами.

— Мы не дотащим его, канаву перемело, — выдохнул дядя Миша.

Савелий заглушил пятидесятикилограммовый агрегат и подошел к нему.

— Отойдите.

Он присел, обхватил стальную трубчатую раму и одним слитным движением тяжелоатлета взвалил чугунную махину себе на правое плечо.

У меня перехватило дыхание. Его ноги вминались в наст, но он шагал прямо, проламывая телом сугробы и закрывая нас от бурана.

В стороне от окна медицинского модуля Савелий опустил генератор на снег и запустил снова, направив выхлоп от здания. Оконная форточка вмерзла в четверть рамы. Савелий вынул охотничий нож и тремя точнейшими ударами обуха расколол лед, не задев стекло.

Внутри модуля нас ждала лаборант Алёна — моя верная двадцатишестилетняя помощница, наотрез отказавшаяся покинуть лабораторию по приказу Губина. Она помогла принять кабель сквозь раму и подключить сетевой фильтр. Но при включении тумблера вольтметр подскочил до опасных 260 вольт!

— Стой! — крикнула я. — Сгорит процессор спектрофотометра!

— Что делать?! — растерялся старик.

— Стабилизатор из приборного кейса! Алёна, не подключай стойку напрямую!

Алёна поставила защитный блок на стол. Мы пропустили питание через него и дождались, пока индикатор перестал мигать. Вольтметр показал 220 вольт. Только тогда я разрешила включить аппаратуру.

Приборная стойка ожила. Изумрудные экраны спектрофотометра и анализатора Biosen загорелись ровным светом. Ротор центрифуги издал бархатный свист, выходя на обороты.

Дядя Миша сунул мне в карман узелок:

— Держи жир, дочка, и травы саянские — мяту дикую да корень пиона. Сделай ему мазь. А я пойду ангар сторожить.

Он растворился в метели. Алёна ушла проверять резервный холодильник в соседней комнате, оставив нас с Савелием вдвоем среди оживших приборов.

Глава 2

Часы показывали 1:15 ночи.

Благодаря тепловентилятору воздух в боксе прогрелся до плюс восемнадцати, наполнившись ароматом хвои, камфоры и пчелиного воска. В центре стоял лыжный эргометр Concept2 SkiErg.

— Раздевайся до шорт, Савелий, — сказала я, надевая стерильные перчатки. — Нам нужно знать, на какой минуте твои митохондрии перестают справляться с лактатом.

Савелий стянул термокофту через голову.

Я невольно задержала дыхание. Его тело поражало безупречной мощью: рельефные дельты плеч переходили в широчайшие мышцы спины, образуя могучий треугольник. На бронзовой коже виднелись следы старых таежных отметин. От него исходил осязаемый мужской жар.

Он подошел к станку, взялся за рукояти, сделал первый рывок — и глухо зашипел сквозь зубы. Его правое плечо дернулось.

— Стоп! — я мгновенно перехватила его руку. — Брось рукояти.

— Мышцу застудил, пока генератор тащил, — нахмурился он. — Сейчас разогреется.

— Это спазм глубокой ромбовидной мышцы, — твердо сказала я. — На морозе под нагрузкой волокна надорвутся на первом километре. Садись на табурет. Спиной ко мне.

Он подчинился. Я растерла между ладонями приготовленный бальзам из медвежьего жира, дигидрокверцетина, камфоры и пихтового эфира, положив горячие руки на его обнаженные трапеции.

Савелий шумно втянул воздух сквозь зубы. Все его тело натянулось как тетива. Нагрудный датчик Polar пискнул: пульс подскочил с шестидесяти до восьмидесяти пяти ударов в минуту.

— Пульс растет, капитан, — заметила я, стараясь сохранить ровный голос.

— Это не от усталости, Даша, — глухо отозвался он, не оборачиваясь. — У тебя руки горячие.

Я заставила себя думать только о работе. Мои пальцы с силой погрузились в каменные пласты волокон вокруг лопатки, разминая триггерный узел. Савелий сжал кулаки, но не шелохнулся. Постепенно под действием тепла и мази жесткий панцирь стал мягким и послушным.

— Теперь вставай к станку. Четыре ступени по три минуты. Частота — сорок восемь гребков в минуту. Имитация штурма «Сибирского хребта».

Маховик взревел. Савелий работал с сокрушительной мощью. К пятой минуте пот ручьями заливал его спину, вены вздулись толщиной в палец, дыхание стало тяжелым.

Я встала рядом, держа скарификатор:

— Дыши диафрагмой! Вдох носом на три счета, выдох ртом с сопротивлением! Включай нижние доли легких!

На двенадцатой минуте он закончил серию, тяжело упершись ладонями в колени. Мои пальцы мелко дрожали от усталости, и стальная игла заплясала над подушечкой его пальца.

Савелий поднял голову. Своей горячей ладонью он бережно обхватил мое озябшее запястье, поднес мою кисть к губам и выдохнул горячий воздух на пальцы:

— Не спеши, Даша. Я здесь. Я держу.

Дрожь улеглась. Я сделала точный прокол, набрала рубиновую каплю крови в капилляр и вставила в ячейку Biosen.

Через тридцать секунд прибор выдал: 15.5 ммоль/л.

Критический уровень молочной кислоты. Но спектрограмма показала феномен: его таежная лактатдегидрогеназа работала с утроенной активностью, утилизируя лактат прямо во время работы и превращая его обратно в гликоген. Ему не хватало лишь щелочного антиоксидантного буфера, чтобы связать ионы водорода.

Я метнулась к верстаку, отмерив в колбу навески янтарной кислоты, L-карнитина и чистого дигидрокверцетина лиственницы. Но при добавлении воды порошок выпал на дно белыми хлопьями — температура смеси была всего четырнадцать градусов.

— Водяной бани нет, — прошептала я. — Греть открытым огнем нельзя — флавоноиды погибнут при сорока градусах. Нужно строго тридцать семь с половиной...

Савелий молча подошел, забрал колбу из моих рук и прижал ее широкой ладонью прямо к своей обнаженной груди — над гулко бьющимся сердцем.

— Грелка готова, — с едва заметной улыбкой сказал он.

Через две минуты жар его тела растворил осадок: жидкость стала прозрачной, глубокого золотистого янтарного оттенка.

Я взяла колбу. На мгновение в глазах Савелия мелькнула тень — память об ампулах Губина.

Я не стала спорить. Поднесла колбу к губам и сделала большой глоток терпкого, хвойно-кисловатого раствора сама.

— Здесь только жизнь, Сава.

Савелий улыбнулся редкой, обезоруживающей улыбкой. Он перехватил колбу, коснулся губами ровно того места на стекле, где остался след моих губ, и залпом выпил все до дна.

Через десять минут повторный замер на Biosen показал фантастические 3.2 ммоль/л! Пульс покоя упал до сорока восьми ударов. Защитный буфер сработал безупречно.

— А теперь — спать, — велела я. — До подъема почти пять часов. Приказ твоего биохимика.

Он лег на кушетку. Я укрыла его широкие плечи своим шерстяным пальто. Савелий перехватил мою ладонь, сжал ее и уснул через сорок секунд.

В 6:30 утра тишину базы разорвал вой сирены. Из рупоров разнесся голос Губина:

— Внимание! Контрольный спринт переносится на девять ноль-ноль! На стадионе минус двадцать два!

Савелий открыл глаза. В его сером взгляде зажглась холодная сталь.

* * *

Стадион «Жемчужина Сибири» тонул в ледяном безмолвии. Белое солнце висело над заснеженными соснами, не давая тепла. Мороз минус двадцать два градуса. Снег под лыжами визжал битым стеклом.

Губин суетился у судейского столика. Против Савелия он выставил накачанных стимуляторами «Олимп-Био» спринтеров Тарасова и Кольцова. У парней неестественно горели глаза, дыхание сбивалось еще на разминке.

Губин с ехидной ухмылкой переставил флажок Савелия на крайнюю левую колею — разбитую ратраком, засыпанную песком и покрытую сплошным наплывом льда.

Савелий даже бровью не повел. Он встал в створ, поправляя ремни своей Anschütz 1827 Fortner с вишневым березовым ложем. Я подала ему термос с теплым янтарным буфером:

— Их стимуляторы вызовут спазм сосудов на третьем километре. Не ввязывайся в спринт на равнине. Держи свой каденс.

Савелий выпил раствор и опустил защитный щиток:

— Следи за ветром на рубеже, Даша.

— На старт! Внимание!

Грохнул выстрел. Соперники из группы Губина сорвались с места, зажимая Савелия в жесткую коробочку. В двадцатикратную оптическую трубу с тренерской биржи я видела, как перед узким мостом через овраг Тарасов растопырил локти и перекрестил палки перед носками лыж Воронова, провоцируя завал на скорости свыше тридцати километров в час.

Савелий не стал тормозить. Мощным толчком он выпрыгнул из колеи вправо, взмыв над сугробом и обойдя соперника по целине. При приземлении на жесткий наст лопнул темляк его правой карбоновой палки.

Но Савелий не сбавил ход. В окуляр трубы было отчетливо видно, как он мгновенно перехватил голое древко «таежным хватом» — намертво зажав карбон в кулаке без петли. Юниоры ошеломленно отстали, а Воронов уже накатывал на крутой подъем «Сибирский хребет».

Тарасов взвинтил темп до безумных шестидесяти толчков в минуту, пытаюсь достать капитана. Но на середине горы химия дала сбой: на медиаэкране судейского створа высветился сход Тарасова. Парень рухнул в сугроб, к нему побежали медики. Причину еще предстояло установить; я стиснула рацию, требуя не отпускать его из медпункта без обследования.

Савелий взлетел на вершину с ровным диафрагмальным дыханием — янтарный буфер надежно держал клетки.

Первый огневой рубеж — лежка. Ветер погнал плотную поземку, закрывая мишени на пятидесяти метрах. Я на тренерской бирже резко подняла оранжевый флажок, показывая смещение потока на полтора метра влево.

Савелий считал знак, внес щелчок поправки на диоптре и на полувыдохе отработал серию:

Хлон! Хлон! Хлон! Хлон! Хлон!

Пять мишеней закрылись белыми шторками за 17.5 секунды! Ноль штрафа! Он ушел на второй круг лидером с запасом в тридцать две секунды.

На втором круге мороз содрал парафин с лыж. Но разогретые ночным массажем мышцы спины Воронова выдавали чистую тягу: он перешел на мощный бесшажный ход. Кольцов отставал уже на двести метров.

Второй рубеж — стойка. Пульс 180. Рядом задыхался Кольцов, судорожно лязгая затвором. Губин с трибуны орал ругательства.

Савелий выключил шум. На моем планшете кривая его кардиодатчика выдала ритмичский узор.

Выстрел. Выстрел. Выстрел. Выстрел. Выстрел!

Пять из пяти за 19 секунд! Десять из десяти на рубежах! Кольцов сорвал два выстрела и ушел на штрафные круги, а Савелий уже мчал по финишной прямой под овации зрителей.

Финишный створ! Электронное табло высветило: 18 минут 42 секунды! Абсолютный рекорд трассы!

Губин с перекошенным лицом подлетел к главному судье. Рядом стоял независимый допинг-офицер Завьялов: он наблюдал за отбором проб после контрольной гонки.

— Протест! Воронов нарушил регламент экипировки — порван темляк, использован несертифицированный хват!

Я шагнула вперед и положила перед главным судьей регламент контрольного старта:

— Палка не заменена, трасса пройдена полностью. Покажите, где запрещено держать собственную палку без темляка.

Судья сверился с протоколом и холодно взглянул на тренера:

— Оснований отменять результат нет. Протест отклонен. Воронов — победитель контрольной гонки.

Савелий подошел ко мне сквозь толпу. Он взял у сервисера свою пристрелочную мишень с одной идеальной пробоиной в десятке и прикрепил ее зажимом на мой рабочий планшет.

Затем наклонился, обжигая щеку горячим дыханием:

— Твой расчет победил, Даша. Отныне ты под моей защитой. В гостиницу ты не вернешься — Губин опечатал твой номер. Собирай приборы, ты едешь ко мне в коттедж.

Мое сердце забилося где-то в горле.

Глядя на экран планшета, где миллисекундный спуск курка накладывался на график ЭКГ, я сделала потрясающее научное открытие: Савелий спускал курок строго в фазе диастолы сердца — в микросекундную паузу расслабления миокарда между ударами на пульсе 180. В этот миг тело замирало в абсолютном покое, и ствол винтовки стабилизировался идеально. Теперь я знала научный секрет его снайперского дара.

Я посмотрела в его серые глаза:

— Я еду с тобой, Сава. Заводи снегоход.

Глава 3

Обледеленое гранитное крыльцо главного гостиничного корпуса «Жемчужины Сибири» продувалось насквозь. Мороз к восьми вечера опустился до минус двадцати одного градуса, и порывы ветра выбивали из глаз злые, обжигающие слезы.

До вечера мы с Алёной упаковывали аппаратуру и пробы: бросить их в обесточенном модуле я не могла. Когда Савелий ушел в дальний ангар прогревать снегоход и крепить грузовые сани, я поспешила к гостиничному корпусу: надеялась за двадцать минут забрать из опечатанного крыла зимнюю парку и резервные криобоксы. Но на крыльце меня ждал удар.

Я стояла в расстегнутом городском пальто возле дорожного чемодана и двух опечатанных термоконтейнеров с контрольными плазменными сыворотками. Входная стеклянная дверь была заперта изнутри. На уровне моих глаз белел приклеенный скотчем бланк с подписью Губина: «Санитарная обработка жилого сектора. Вход строго воспрещен».

Я изо всех сил забарабанила кулаком в толстое стекло:

— Откройте немедленно! В криобоксах биологические пробы сборной! Им нужен стабильный температурный режим, а не промерзшее крыльцо! Впустите меня в номер за вещами!

По ту сторону стекла возник комендант базы. Пряча мутные глаза, он отрицательно помогнул головой, показал мне кукиш, щелкнул тумблером на стене и опустил стальные защитные жалюзи. Металлические пластины со скрежетом перекрыли свет, погрузив крыльцо в крошечную тьму. Меня выставили на мороз в тайге. Без теплой куртки, без ключей, с лабораторной аппаратурой стоимостью в миллионы рублей.

Дрожа от пронизывающего холода, я схватила ручку чемодана и ляжку криобокса, пытаюсь тащить их по нерасчищенной аллее к дежурному медпункту стадиона. Колесики намертво увязли в снежной каше. Ветер выдувал последнее тепло из-под шерсти, пальцы в тонких кожаных перчатках пронзила невыносимая ледяная ломота. Я споткнулась, упала на колени в сугроб, но не позволила себе заплакать. Вцепилась в ручки контейнеров, поднимаясь снова.

В этот миг густую снежную круговорот прорезали два ослепительных ксеноновых луча.

С низким, басовитым ревом из-за соснового бора вылетел тяжелый утилитарный снегоход «Yamaha Viking». Гусеница с визгом взрыла сугроб, и машина замерла в полуметре от меня, обдав облаком горячего бензинового пара.

Из высокого седла спрыгнул Савелий.

Он был в распахнутом овчинном полушубке. На согнутой руке висела огромная темно-синяя пуховая парка с золотой вышивкой «Капитан» на спине.

— Савелий, не надо, — попыталась возразить я побелевшими губами, отстраняясь. — Губин ждет повода обвинить тебя в саботаже режима...

Савелий даже не ответил. Одним широким движением он развернул парку и накинул ее на мои плечи, запахнув воротник до самого подбородка. Меня мгновенно накрыло сухим жаром гусяного пуха, запахом мороза, пихты и его тела. Ледяная дрожь отступила.

— В сани аппаратуру нельзя, на кочках растрясет, — коротко оценил он обстановку.

Савелий поставил криобоксы на широкую рифленую подножку перед водительским сиденьем, легко подхватил меня за талию и усадил впереди себя прямо на мягкую кожаную подушку. Затем сел сам, поставив свои мощные ноги по бокам от меня и замкнув тяжелые руки на руле поверх моих ладоней.

Я оказалась внутри живого защитного кокона из его груди, плеч и овчины. Ветер больше не касался меня.

— Держись за перемычку руля, — негромко сказал он прямо мне в капюшон.

Снегоход рванул вперед, набирая скорость по заснеженной лесной просеке. На крутом вираже перед оврагом лыжу повело на скрытом льду. Машину занесло вправо. Я испуганно вскрикнула, инстинктивно вжавшись спиной в его грудь и вцепившись пальцами в его предплечья.

Савелий не сбросил газ. Мощным движением корпуса он выдернул тяжелый снегоход из заноса, наклонился и горячо прижался губами к моему виску через шерстяную ткань:

— Держись крепче, Даша. Со мной не упадешь.

В его голосе звучала такая несокрушимая, родовая таежная надежность, что страх растворился без следа, сменившись щемящим восторгом скорости.

Через пять минут впереди показался двухэтажный сруб из векового сибирского кедра с высокой двускатной крышей. Савелий заглушил двигатель. Ступени высокого крыльца были покрыты ледяным панцирем. Стоило мне ступить на обледенелую доску, как онемевшие ноги подкосились.

Савелий подхватил меня под колени и спину, поднимая на руки вместе с лабораторным чемоданчиком. Легко, словно пушинку, он поднял меня по скользким ступеням, толкнул массивную кедровую дверь и внес в дом. Дубовый засов со щелчком отсек завывания метели.

В прихожей стояла морозная тьма — поселковую сеть отключило бураном.

— Спокойно, у меня все автономное, — раздался над ухом спокойный голос Савелия.

Чиркнула спичка, вспыхнула березовая лучина, и золотистое пламя керосиновой лампы «летучая мышь» озарило бревенчатые стены, охотничьи лыжи в углу и монументальную кирпичную печь посреди просторной гостиной.

Савелий посмотрел на меня сверху вниз, и в его серых глазах зажглась тихая хозяйская теплота:

— Добро пожаловать домой, Даша.

* * *

В доме стоял густой холод — около пяти градусов тепла. Из рта шел белесый пар.

Савелий скинул тулуп, оставшись в грубом свитере с высоким горлом, и сразу шагнул к печи. Открыл чугунную дверцу, уложил березовые поленья шалашом и поднес бересту. Но пламя захлебнулось: едкий серый дым повалил в комнату, заставив меня закашляться.

— Воздушная пробка в трубе, перепад давления, — спокойно сказал он.

Он распахнул нижнюю прочистную заслонку, свернул жгутом просмоленную газету, поджег и вогнал факел прямо в вертикальный колодец. Огонь пробил холодный застой. Дымоход утробно загудел, пламя с ревом подхватило поленья, и в комнату хлынула первая спасительная волна березового жара.

Я попыталась расстегнуть молнию на сапогах, но замерзшие металлические зубья заело коркой льда. Пальцы совершенно не слушались.

Савелий подошел неслышно. Опустился передо мной на колени прямо на деревянный пол, обхватил мои сапоги широкими ладонями и согрел замок долгим горячим выдохом. Замок плавно пошел вниз.

Он бережно стянул сапог, обнажив мою озябшую ступню в тонком шерстяном носке. Я смущенно попыталась спрятать ногу под подол, но Савелий не позволил. Он взял мою ледяную ступню в свои огромные, шершавые, обжигающе горячие ладони и принялся уверенно растирать подошву и пальцы, разгоняя застывшую кровь.

По телу пробежала сладкая, покалывающая волна тепла. В его движениях не было ни грамма пошлости — только древний таежный закон заботы о выживании того, кто доверился тебе на морозе.

— Сейчас кровь пойдет, согреешься, — тихо сказал он, растирая вторую ногу.

— Я могу разогреть сублимированную смесь из пайка, — предложила я, когда в ногах перестало ломить.

Савелий нахмурился:

— Порошки оставь для лаборатории. Организму после холода нужно настоящее мясо.

Он спустился в погреб и вернулся с тяжелым глиняным горшком, в котором томилась сочная оленина в диком брусничном взваре с можжевельником. Поставил горшок на припечек, достал краюху подового ржаного хлеба и налил в глиняные кружки темный янтарный настой.

— Пей. Это отвар чаги, дикого шиповника и кедрового молочка. За полчаса восстановит щелочной баланс печени и вымоет метаболиты лучше твоих капельниц.

Настой оказался терпким, хвойно-сладким и удивительно глубоким по вкусу. Мы ели молча, сидя друг напротив друга в теплеющей комнате, где температура уже перевалила за двадцать градусов.

Внезапно на подоконнике заверещал спутниковый телефон. Савелий взял трубку. Из динамика донесся визгливый голос коменданта: Губин отправил рапорт Баранову о «самовольном укрывательстве отстраненного сотрудника».

Савелий перебил его ледяным тоном:

— Передай Губину: Романова находится под моей личной защитой как ведущий биохимик сборной. Сунется к коттеджу — спущу с крыльца кубарем.

Он сбросил вызов, вынул батарею и убрал аппарат в буфет.

Я перевела взгляд на стену над камином, где на кованых крючьях покоилась винтовка в кожаном чехле.

— Ты стреляешь так, Савелий, словно держишь за руку кого-то невидимого. Это из-за отца?

Его лицо застыло. Скулы напряглись, взгляд ушел в угли. Я тихо подошла сзади и мягко опустила ладонь на его широкое плечо.

Напряжение в его теле медленно спало. Он накрыл мою руку своей ладонью, поднялся и снял винтовку. Вынул ее из чехла. В свете огня заиграли переливы темной карельской березы.

Савелий нажал потайную пружинную защелку под стальным рифленным затыльником приклада. Затыльник сдвинулся. В узком пенале тускло блеснула серебряная гильза с гравировкой: *«Бей в сердце»*.

— Отец вырезал эту ложу тридцать лет назад, — глухо сказал Савелий. — Он учил: четыре патрона — для зверя и победы. А пятый — для правды, когда отступать некуда. Он погиб на промысле, когда мне было четырнадцать. С тех пор эта винтовка — моя единственная клятва.

Я замерла, разглядывая потайной пенал. Идеально герметичный, защищенный от влаги и мороза отсек в карельской березе, скрытый под деревом и затыльником.

— Савелий... сюда можно спрятать резервную копию спектрограмм допинга Баранова. Случайным взглядом не заметишь.

Он посмотрел на меня с немой благодарностью:

— Спрячем. Завтра же.

Полночь уже миновала. Савелий взял мою сумку и поднялся на второй этаж, открыв дверь в просторную спальню с широкой деревянной кроватью под лоскутным одеялом.

— Ложись здесь, Даша. Я лягу внизу у печи. В тайге женщина всегда спит в лучшем тепле.

Он не стал слушать моих робких возражений, пожелал доброй ночи и тихо прикрыл дверь.

Я подошла к балкону спальни, приоткрыла створку вдохнуть морозного воздуха — и вздрогнула. В полусотне метров у забора базы среди сосен мелькнул силуэт в маскхалате с оптическим прибором ночного видения и тепловизором, направленным на приоткрытую балконную створку, откуда струился теплый воздух.

Шпионы Губина вели наблюдение.

Я торопливо захлопнула раму наглухо и задернула плотные льняные шторы с шерстяной подкладкой. В открытую створку он больше ничего не увидит. За нами следили. Но внизу сухо потрескивали березовые дрова, мерно дышал Савелий, и страха не было. Коттедж стал нашей крепостью.

* * *

В 8:30 утра общая столовая комплекса гудела сотнями голосов. Пахло пшенной кашей, растворимым кофе и влажной лыжной синтетикой.

Я вошла в зал в строгом свитере с планшетом под мышкой и направилась к раздаче с термоконтейнерами. Савелий задержался у входа, разговаривая с дядей Мишей.

Старшая буфетчица отвела глаза и резко отодвинула подносы:

— Гражданка Романова, Губин распорядился: выселенные из гостиницы с довольствия сняты. Порций нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.